

ГОРЬКИЙ — И. С. МАКАРЬЕВ

Иван Сергеевич *Макарьев* (1902—1958) — литературный критик, познакомился с Горьким в 1931 г., когда работал секретарем РАИП.

В неопубликованных воспоминаниях Макарьев писал: «Мне посчастливилось близко общаться с Алексеем Максимовичем Горьким в последние пять лет его жизни, то есть почти все годы пребывания его в Советском Союзе.

Я видел Алексея Максимовича в самой разнообразной обстановке — на писательских заседаниях, в семье — за обедом, на прогулке, на заседаниях Политбюро и в беседах с руководителями партии, на съезде писателей, при разговоре с колхозниками, врачами, учеными, у ночного костра на берегу Москвы-реки, на XVII съезде партии, в беседе с Гербертом Уэллсом и Ромеом Ролланом, на параде на Красной площади» (воспоминания были предоставлены нам комиссией по литературному наследию И. С. Макарьева).

Макарьеву принадлежит книга «Пометки М. Горького на рукописях начинающих писателей с приложением письма Горького авторам библиотеки „Рассказов о гражданской войне“». М.—Л., ГИХЛ, 1932; (изд. 2 — «Пометки Горького на книгах начинающих писателей». М., «Советский писатель», 1957).

Ниже публикуется одно письмо Горького к Макарьеву и два письма Макарьева Горькому.

1

ГОРЬКИЙ — МАКАРЬЕВУ

⟨Москва. 23 сентября 1933 г.⟩

Ив. Макарьеву

Дорогой Макарьев —

извините, что беспокою мелочью: мне нужно знать, в какой именно деревне около Старицы вы в прошлом году видели старика ¹, который собрал у себя картины крепостных художников? Назовите деревню, если помните.

Леопольд ² сообщил мне, что живете вы трудно, устаете сильно и что, вообще, невесело вам. Сожалею искренно, что не могу помочь вам, а — может быть — могу? Сообщите. Я сделал бы это с великим удовольствием, ибо очень ценю вас. Леопольд чувствует себя, как будто, сносно, даже — повышенно и работает за троих. Вовлечен Юдиным ³ в группу критиков, кои должны заняться изучением литературы в целях: определения признаков и смысла реализма дореволюционной литературы, а также признаков — или посылок — к социалистическому реализму советской, текущей литературы.

Вам, вероятно, известно, что предом Оргкома назначен я ⁴, несмотря на все мои просьбы не делать этого. И вот «взялся за гуж». Работать приходится в сущности троем: Леоп(ольд)у, Юдину, мне, я имею в виду организаторскую работу, — но, кажется, уже удалось немножко пошевелить литер(атурную) братию. Некоторые группы ⁵ взялись за дело

УЧАСТНИКИ ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (РАПП)

На снимке (снизу вверх, слева направо): в первом ряду: А. Грудская, М. П. Миттельман, Г. П. Мирошниченко, М. Е. Шнитсман, Гр. Фай-
волович; во втором ряду: А. П. Селивановский, И. С. Макарев, В. П. Ставский, Ю. И. Либманский, В. М. Киршон, Л. Л. Авербах,
Ф. П. Панферов, А. А. Фадеев, Б. М. Буачичев; в третьем ряду: А. А. Исабах, А. Н. Бусыгин, Бела Иллеш, Матэ Залка, В. В. Ермаилов,
А. А. Сурков, Г. М. Корабельников, Н. Г. Шулманов, М. В. Лузгин, А. Н. Афончиков; в последнем ряду: Ф. Ессеев, О. Ф. Берггольд,
С. Фришман, Гр. Грин, Н. Боровой, С. Л. Кирьянов, Павел Ессеев, Ю. Г. Лагтей, В. П. Ибловский (режиссер Ленинградского театра ЛАПП)

Фотография, 1931 г.

Собрание Р. Э. Киршон-Корнблюм, Москва

энергично, напр<имер> группа изучения «детской литературы», т<о>е<сть> книги, критическая и тюркская, вероятно, будет работать отлично. Лео⁶ со своей группой едет в Баку, Кирш⁷ — в Татарию, и так во все республики Союза отправляются группочки ребят для ознакомления с лит<ера>турной) работой союзников. Работы — гора! Весьма сожалею, что в делах этих нет вас и Сутырина⁸, сожалею не только потому, что оба вы приятны, «симпатичны» — лично мне, а и потому, прежде всего, что вы ясные партийцы и хорошие работники, да и культурно выше многих.

Сутырин уехал на Беломор<ско>-Балт<ийский> канал и пишет оттуда очень бодро, весело, — работа ему нравится. В общем — живем!

Будьте здоровы, Иван! Письмо — сумбурное, но — я тороплюсь. Столько работы, что мне скоро и чихнуть некогда будет.

Жму руку.

А. Пешков

23. IX. 33.

Р. С. Сейчас получил вашу телеграмму. Отвечу завтра⁹, телеграфом же.

А. П.

Р. Р. С. Не театрам, не улицам, а вот ст. Крутой — ныне «Воропоново», по имени генерала помещика — следовало бы дать имя «Горькая» — круто и тяжеленько жилось мне на этой анафемской станции!¹⁰

А. П.

¹ См. письмо 2.

² Имеется в виду Леопольд Леонидович Авербах (1903—1938) — литературный критик, был одним из руководителей РАПП.

³ Павел Федорович Юдин (р. 1899) — философ, академик. В то время — заместитель председателя Всесоюзного Оргкомитета ССП.

⁴ 15 августа 1933 г. состоялось заседание Пленума Всесоюзного Оргкомитета ССП, на котором Горький был единогласно избран председателем Оргкомитета.

⁵ 27 августа 1933 г. на заседании Секретариата Оргкомитета ССП, которое прошло с участием Горького, было принято решение о создании ряда бригад писателей. В состав бригады по разработке вопросов детской литературы и бригады по работе с молодыми авторами был избран Горький.

⁶ Авербах.

⁷ Владимир Михайлович Киршон (1902—1938). См. переписку Горького с Киршоном в наст. томе.

⁸ Владимир Андреевич Сутырин (р. 1902) — литературный критик. Познакомился с Горьким в 1928 г. в Тбилиси, будучи тогда секретарем Всесоюзного объединения ассоциации пролетарских писателей (ВОАП), членом секретариата Федеративного объединения советских писателей (ФОСП). С 1929 г. работал в кинофотопромышленности и переписывался с Горьким по вопросам советской кинематографии. В 1933 г. уехал из Москвы на Беломорско-Балтийский канал в качестве начальника Туломской ГЭС.

⁹ В ответ на телеграфное сообщение Макарьева об открытии в Сталинграде 26 сентября Нижневолжского краевого съезда колхозников-ударников Горький послал приветственную телеграмму съезду, которая была опубликована в «Поволжской правде», 1933, № 221, от 24 сентября.

¹⁰ На станции «Крутая» (ныне Воропоново) Грязе-Царицынской ж. д. Горький работал в 1889 г. весовщиком.

2

МАКАРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

(Сталинград. 9—10 января 1934 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

На письмо ваше отвечаю с запозданием на целых три месяца. Ругайте как хотите, хотя особенно ругать меня не стоит, — ибо были у меня причины и уважительные: с конца октября и по конец декабря болел.

Заполучил каким-то путем воспаление надкостницы, делали операцию, после которой моя явно выраженная рязанская физиономия украсилась мужественным шрамом.

Основная причина молчания, конечно, не болезнь (мог бы написать и до нее), а зверская загруженность. Каждый день утром думаю о том, что вечером засяду за письмо, а к вечеру так изматываюсь, что уж ничего не соображаю (не поймите это, как жалобу, что живется мне «трудно», как передал вам — неверно — Леопольд. Это только объяснение, почему я вам не писал, — не только «без поводов», как вы просили, когда я уезжал, но и «по поводам», хотя бы по поводу вашего письма).

Теперь опять лежу уже шестой день — схватил где-то ангину. Сегодня — нормальная температура, вполне работоспособен, а выходить еще нельзя. Сел за это письмо, чувствую, что выйдет оно длинным и сумбурным: очень о многом хочется написать вам, вряд ли все вместится.

Прежде всего — большое спасибо вам за ваше хорошее письмо, после которого как-то лучше себя почувствовал: и веселее стало, и работалось лучше. А раз уж вы написали несколько хороших слов обо мне лично, то получайте в ответ признание в крепкой хорошей любви к вам.

Теперь о делах.

Живется мне не то что трудно, а просто я здорово устаю. Работа занимает все время, кроме нескольких часов на еду и сон (иногда и сплю в редакции). Народу в редакции мало, типография разваленная, газета плохая¹, — а требования к газете в наше время огромные, — одним словом, очутился я здесь в положении того самого солдата, которому дали грибенник и велели принести бутылку водки, фунт колбасы и полтинник сдачи. Но, в общем, живу хорошей, интересной и *полезной* жизнью.

В Москве как-то меньше, слабее ощущаешь то, что происходит в стране (говоря «в Москве», разумею московскую литературную обстановку, интересами которой жил последние два года), начинаешь постепенно отвыкать от *чувственного* восприятия нового, представлять его несколько отвлеченно, «вообще». А это вещь довольно опасная — слишком рано начать только обобщать, не притронувшись непосредственно к жизни на разных ее участках, не изучив кренко деталей, не пережив будней строительства и повседневной драки за него. Без этого — и обобщение или будет страдать неполнотой, или заведет не туда, куда нужно, или будет уж слишком скучным и пресным, без настоящей большевистской смелости.

Выражаюсь я довольно сумбурно, точно передать мысль мне не удалось, дело, конечно, гораздо сложнее, нужны были бы некоторые оговорки к сказанному, — но думаю, что вы меня поймете.

Правда, сейчас, после пятимесячного пребывания здесь, начинает уже давать себя знать и обратная сторона: не хватает времени как раз для *обобщения*, как-то некогда оглянуться, подвести итоги, осмотреться, приглядеться к другим, просто кое-что записать. Мешает, видимо, сама специфика работы, которая чертовски затягивает (а работу газетную я очень люблю). А работа редактора в наше время (редакторов в старое время не наблюдал) такая, что некогда *наблюдать* людей, как это ни странно звучит. Такая уйма людей, с которыми споришь, ругаешься, убеждаешь, и настолько во все это уходишь и настолько воспринимаешь все это *лично*, как свое, тебя касающееся, — что наблюдать-то и некогда. Скорее сам превращаешься в объект наблюдения.

Иной раз думаешь потом: вот побыл в колхозе, поговорил с такими-то людьми, сделал все, что надо, и уехал, — а ведь людей-то как следует не изучил, ухватил только «хвостики». И хочется опять туда поехать. Но уже поздно — наплыли новые люди, которые заслонили предыдущих.

Чёрт его знает, то ли тут дело в неумении работать, то ли в самом характере работы в наше время и в нашей стране, когда думаешь и делаешь

одновременно и когда для особых раздумываний нет времени, ибо дело не ждет. Не знаю. Только страшно завидую вашей способности уметь наблюдать, уметь взять от каждого человека не то, с чем он пришел к вам, а то, что в нем наиболее интересно, причем человек-то и не догадывается, что вы взяли от него не то, что он хотел, а *то*, что вам нужно и что, может быть, этот человек и показывать-то вам не хотел.

Одним словом, в переводе на язык литературных споров, впадаю я здесь понемногу в смертный грех «эмпиризма», строго преследовавшийся раповской инквизицией с Леопольдом во главе и при моем непосредственном участии.

Шутка шуткой, а, по правде говоря, тянет немного передохнуть, кое-что обдумать, кое-что записать, кое-что прочесть.

Читаю, по сказанным выше причинам, мало. А читать надо ой-ой сколько! Иной раз прямо зло берет, когда подумаешь, как много хорошего и *нужного* (такого, без чего не проживешь) еще не читал.

Наше поколение (говорю про себя, Леопольда, Кирша, людей, которым сейчас по 30 лет) входило в жизнь, формировалось в полосу военного коммунизма. Время было хорошее, и вообще мы — счастливые люди, что подростками вошли в революцию. Но воспитывались мы несколько, я бы сказал, «гуманитарно» (говорю не о школьной учебе, а о жизни). В стране тогда не стоял вопрос о технике, мы росли как агитаторы, как организаторы, как профессионалы-революционеры. А теперь это сказывается.

Я, например, чувствую стыд, что я не знаю высшей математики, не знаю как следует физики, химии, точных наук вообще, а, значит, не знаю как следует электричества, радио, устройства новых машин и т. д. Помню, как-то, года два назад, у вас на даче слушали мы, кажется, с Фадеевым ваш разговор с Луначарским о новых открытиях в биологии и оба испытывали мучительный стыд, ибо о фактах, вами и А<натолием> В<асильевичем> упоминавшихся, даже и не слышали.

А рядом растет новое поколение, которое *начинает* с техники, с точных наук.

Мы недавно собрали здесь, в Сталинграде, школьников разных групп и беседовали с ними. В числе прочих вопросов было: «какую профессию ты наметил для себя, кем ты хочешь стать, что ты думаешь через два-три года делать?»

Шестнадцать лет назад каждый из нас, — пятнадцатилетних тогда ребят, — давал на этот вопрос один и тот же ответ: буду коммунистом, буду защищать Октябрьскую революцию, пойду туда, куда пошлет партия, умру за мировую революцию и т. д. И для тех лет такой общий ответ был вполне достаточным. Более того, — в то время, помню, мы засмеяли бы того, кто сказал бы, что он хочет быть врачом или инженером.

И вот сейчас — встает 12-тилетняя девочка и на тот же вопрос спокойно и уверенно отвечает: «кончу девятилетку, пойду в ВУЗ, хочу быть инженером-электриком». Другой — хочет работать по железобетону. Третья — по радиотехнике. И так *сорок человек* — без всяких изыятий!

И чувствуешь, что отстаешь от жизни, что надо догонять, надо перестраиваться и доучиваться (тем более, что многим из нас учиться как следует — говорю о школьной учебе — вообще не пришлось).

Дело не в том, конечно, чтобы я стал инженером или врачом. Я не хочу им быть, меня, скажем, тянет литература, и я буду ею заниматься. Но я могу остаться редактором, критиком, писателем, просто партийным работником, — и все равно любой из этих участков требует сейчас знания точных наук, знания техники, и не только по одной какой-либо специальности.

Вот я сейчас сижу в газете. Газета теперь не похожа на прежнюю. Основным вопросом для меня сейчас вовсе не является вопрос о том, что

«англичанка гадит» (хотя это очень важно и этим надо заниматься). Основные вопросы для меня сейчас — *ремонт тракторов* к весне, планирование сельского хозяйства на будущий год, подготовка к строительству автозавода в Сталинграде (беру несколько вопросов). И я чувствую, что без освоения техники трактора, комбайна, любой машины, без изучения моторов, без серьезного изучения проблем ирригации, севооборотов, без изучения заводов Форда и Горьковского автозавода и т. д., — я газетой буду руководить не так, как следует.

ГОРЬКИЙ

Дружеский шарж Кукрыниксов, 1934 г.

Музей Горького, Москва

То же самое с руководителем партийного комитета, то же самое (в меньшей степени) с писателем.

Хочется поэтому учиться, читать, скорей залатать этот разрыв, чтобы не оказаться в «нетях», чтобы лучше работать.

Ну, кажись, я слишком расписался. Вещи эти достаточно известны вам, и ничего нового я вам не сообщаю.

С Москвой связи у меня как-то не налаживаются. От Леопольда я не получил ни одного письма. Из Оргкомитета мне, конечно, никто не пишет. По «Литгазете» составить представление о происходящем в литературе трудновато. Кое-что понял из вашего письма. Многого не улавливаю и сейчас.

С большим интересом прочитал в «Литгазете» вашу статью — послесловие к сборнику о Беломорстрое² и статью коллектива авторов, написанную, судя по задорности, Леопольдом³. Дело не в том даже, на каком уровне будет стоять книга, а дело в том, что вы правильно уцепили, — во внесении *коллективности* и в писательский труд, в ломке старых, капиталистических методов работы и отношений к друг другу. Если дело обстоит так, как расписал Леопольд, то один факт появления такой книги (работы над ней) стоит больше, чем 20 «примирительных» пленумов

Оргкомитета ⁴ (хотя на первых порах Леопольду вряд ли удастся избежать новых обвинений его во всякого рода «групповщине»).

Здесь с литературными делами неважно. Я мог заняться ими только в самое последнее время. 27 декабря у нас был расширенный пленум Оргкомитета. Конечно, выяснилось, что по краю есть порядочно талантливых ребят. Сейчас собираю их, завязал переписку, отвечаю на рукописи, печатаю их в газете и журнале. С января, как обещал вам, налаживаю издание «толстого» журнала «Поволжье» ⁵. Очень хотелось бы, чтобы вы прислали для первого номера приветствие и отрывок из «Клима» или чего-либо другого, если у вас есть. Посылаю вам изданный к пленуму альманах ⁶. Издали его наспех, положение в крае он отражает очень неплохо.

Перелом, одним словом, сделан. Вопросы литературы поставил в крайком. Решили провести собрание партийного актива по вопросам литературы, организовать во всех газетах литературные страницы, утвердили меня редактором журнала и председателем Оргкомитета, — о чем вас, как свое «непосредственное начальство», и извещаю.

Думаю, что дело здесь пойдет.

Очень хочется писать самому, но никак не получается с временем.

Ну, надо кончать, а то уж слишком затянул.

Я не знаю, где вы сейчас. Знаю, что последние дни были в Москве. Не будете ли на съезде партии? ⁷ Я, возможно, в это время приеду в Москву. Очень бы хотелось вас увидеть, поговорить, — в письме как-то не так выходит все, хотя и многословней.

Если напишете мне, буду очень рад. Не напишете, — не обижусь, ибо загрузку вашу и ценность для всех нас работы вашей — знаю. Вы сами пишете, что вам «некогда чихнуть». А я хочу, чтобы вы чихали еще много, много лет.

Горячо приветствую вас и всех ваших.

Ваш И. Макарьев

10 января.

Чуть не забыл: вы в письме просите назвать деревню около Старицы, где есть старик, собравший картины крепостных художников, которого я, якобы, видел в прошлом году.

К сожалению, вы ошиблись, А<лексей> М<аксимович>.

В Старице я в прошлом году не был и старика такого не знаю. Но припоминаю, что при мне вам кто-то нечто подобное рассказывал, но *кто*, — не припомню (не Леонов ли?).

Р. С. Не вышел ли «Клим Самгин» с Кукрыниксами? ⁸ Если вышел, — очень бы хотелось, чтобы прислали. Здесь не достать.

И. М.

¹ Макарьев работал в то время редактором газеты «Поволжская правда».

² Послесловие Горького к сборнику о Беломорско-Балтийском канале (М., ОГИЗ, изд. «История фабрик и заводов», 1934). Впервые напечатано под названием «Первый опыт» в «Лит. газете», 1933, № 59, от 23 декабря.

³ Статья «Книга о Беломорстрое», опубликованная в том же номере «Лит. газеты».

⁴ После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» прошел ряд пленумов Оргкомитета Союза советских писателей, на которых ставился вопрос о работе «бывших рапповцев» — Авербаха, Кирсона, Чумандрина и других в Союзе писателей.

⁵ См. письмо 3, прим. 1.

⁶ «Литературное Поволжье». Альманах 1. Сталинград. Н.-Волжское краевое гос. изд-во, 1934.

⁷ Горький присутствовал на открытии XVII съезда ВКП(б) 26 января 1934 г.

⁸ М. Горький. Жизнь Клим Самгина (Сорок лет), тт. 1, 2, 3. Художники Кукрыниксы. М., «Советская литература», 1934.

3

МАКАРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

Сталинград. 8 июня 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю вам первый номер нашего «Поволжья»¹. «Первый блин» вышел, кажись, комом, — мне, во всяком случае, не нравится. Зато следующие номера (2-й выходит на днях, 3-й к съезду) будут лучше. Сейчас я получил хоть кое-какую возможность заниматься литературой, — работаю только в крайкое и вечером часа 2—3 выкраиваю.

Очень хотелось вас увидеть, скучать как будто бы некогда, а по вас я скучаю.

Не знаю, приеду ли на съезд², да и надо ли?

Простите, что не написал вам о книжке Молчанова «Крестьянин»³ (вы просили). На днях напишу. Книжка, по-моему, очень плохая.

Горячий привет вам.

И. Макарьев

¹ «Поволжье» — литературно-художественный и общественно-политический журнал (1934, № 1). На первой странице — приветствие Горького журналу «Поволжье».

² Речь идет о Первом всесоюзном съезде советских писателей (открылся 17 августа 1934 г.).

³ Александр Молчанов. Крестьянин. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1934.

Резко отрицательную оценку романа Молчанова Горький дал в статье «О литературных забавах», напечатанной 14 июня 1934 г. в «Правде», «Известиях», «Лит. газете» (см. т. 27, стр. 243—248).